

Аосюэ чувствовала себя невероятно счастливой, и на её покрасневшемся лице играла застенчивая улыбка.

— Если ты будешь ко мне еще добрее, я, так и быть, расскажу, — прошептала она.

Шаобай отстранился и, приняв серьезный вид, произнес:

— Аосюэ, лучше выпусти меня поскорее. Я опасаюсь, как бы Император Демонов не напал исподтишка.

— Куда ты спешишь? — ответила Аосюэ. — Когда Император Демонов явится, я выпущу тебя в любой момент.

— Но мы же в Иллюзорной обители Юмэн, — возразил Шаобай. — Откуда нам знать, что он пришел?

— Не беспокойся! Мать-Богиня снаружи присматривает за мной. Если Император Демонов появится, она обязательно даст мне знать, — она лукаво блеснула глазами и рассмеялась: — Кстати, хочу спросить: ты ведь пришел в Юмэн добровольно, потому что волновался за меня?

Шаобай кивнул:

— Верно. С твоим уровнем мастерства ты не смогла бы силой затащить мой Первородный Дух сюда. Но твоя воля была так тверда, ты из последних сил пыталась утянуть меня в эту обитель, и я испугался, что с тобой что-то случится, а Божественный Владыка будет горевать. Поэтому я сам позволил духу покинуть тело.

— Неудивительно, — проговорила Аосюэ. — После того как Отец-Бог заступился за меня снаружи, я почувствовала, как давление, что ты оказывал, исчезло, а затем ощутила присутствие твоего духа. Дядюшка, ты невероятно силен, но твои слабые стороны тоже весьма примечательны.

Шаобай нахмурился:

— Почему опять дядюшка? И в чем же мои слабые стороны?

Аосюэ капризно надула губки:

— Ты такой вредный! Буду звать тебя дядюшкой! О твоих слабостях я не скажу, но мне они нравятся.

Шаобай вздохнул:

— На самом деле я человек, соблюдающий правила и чтящий старших. Это и достоинство, и недостаток, не так ли?

Аосюэ снова рассмеялась:

— А дядюшка-то умен! Выходит, когда ты был снаружи, то ждал, пока я пропотею, чтобы добровольно войти в Юмэн, и у тебя были свои планы? Ты воспользовался случаем, чтобы подсмотреть, как я купаюсь?

Шаобай поспешно начал оправдываться:

— Нет! Все было не так. Я не знал, что твой дух в Юмэне тоже потеет, и не знал, что ты будешь купаться. Я наткнулся на это случайно.

Видя его смятение, Аосюэ улыбнулась:

— Чего ты так нервничаешь? Я, конечно, верю тебе. Ну как, я хороша? От меня приятно пахнет? Я ведь наполнила пруд лепестками цветов, когда купалась.

Она подалась вперед, прижимаясь к Шаобаю, но тот поспешно отстранился, сохраняя дистанцию.

— Но почему, — озадаченно спросил Шаобай, — когда мой дух входит в Юмэн, его состояние и сила отличаются от того, что в Божественном Теле, а твои — нет?

Аосюэ поманила его рукой:

— Подойди ближе, и я открою тебе тайну Юмэн.

Шаобай послушался, и они снова оказались в объятиях друг друга.

— Теперь расскажешь?

— Обними крепче!

Шаобай чуть сильнее сжал её талию. Аосюэ подняла голову, с нежностью глядя на его безупречное лицо, и, погладив его по щеке, медленно проговорила:

— Шаобай, знаешь ли ты, что главная особенность артефакта Юмэн — это создание различных иллюзорных миров? Бессмертные или демоны со слабой волей, попав сюда, навсегда теряют голову, погружаясь в грезы. Когда мастер использует Юмэн, его дух входит первым, а затем активирует Приказ Поглощения Духа, чтобы заманить гостя. — Её голос внезапно наполнился глубоким чувством: — У Юмэн есть еще один секрет: если мастер капнет в неё каплю своей Крови Сердца, обитель будет открываться и закрываться по его воле, но судьба мастера станет неразрывно связана с ней, и они будут жить и умирать вместе.

Шаобай отпрянул от неё на три сажени:

— Аосюэ, ты что, капнула в Юмэн Кровь Сердца?!

Аосюэ со слезами на глазах улыбнулась:

— Дядюшка, ты ведь такой могущественный! Если бы я этого не сделала, как бы мне удалось удерживать тебя здесь так долго?

— Ты... — Шаобай в гневе указал на неё пальцем, не в силах вымолвить ни слова.

Попугай, сидевший на персиковом дереве, казалось, тоже не одобрял её поступка: он возмущенно вскрикнул, глядя в небо, а затем снова уставился на них.

— Аосюэ, зачем ты так с собой? — вздохнул Шаобай.

Аосюэ снова прильнула к нему:

— Потому что я хочу быть с тобой.

— Хорошо, — смирился Шаобай. — Мы уже вместе. Давай скорее покинем Юмэн. Иначе, если Император Демонов атакует и разрушит обитель, ты погибнешь.

Аосюэ горестно вздохнула:

— Сейчас нельзя. Я только что пронзила сердце и истощена, мне нужно три дня, чтобы восстановиться. Побудь со мной эти три дня, хорошо?

— Когда ты успела это сделать? — изумился Шаобай.

— Ты думал, я купалась только из-за пота? На самом деле, в тот момент, когда ты вошел в Юмэн, я тайком пронзила сердце. Купание было лишь предлогом, чтобы смыть следы крови, чтобы даже Мать-Богиня снаружи не заметила ничего странного.

— Но почему тогда ты сейчас выглядишь так хорошо?

Аосюэ засмеялась:

— Глупый, ты что, не знаешь, что такое косметика? Присмотрись.

Шаобай наклонился на полфута и мельком взглянул на неё. В этот момент попугай спикировал с дерева и захлопал крыльями прямо перед лицом Аосюэ, сбивая слой пудры. Лицо девушки оказалось мертвенно-бледным, а губы — совершенно бескровными.

— Ты действительно серьезно ранена, — констатировал Шаобай.

— Пустяки, у меня еще есть силы! Иначе как бы я обманула тебя, прикинувшись стариком? Жаль только, что ты не выпил со мной воды из Реки Спокойных Раздумий.

— Что было бы, если бы я выпил?

Аосюэ довольно улыбнулась:

— Мы бы постоянно тосковали друг по другу.

— Почему эта река так удивительна?

— Дурачок, я ведь капнула туда свою Кровь Сердца, — даже с бледным лицом она умудрялась ослепительно улыбаться. Внезапно её осенило: — О нет, мне нужно скорее привести себя в порядок, иначе Мать-Богиня начнет волноваться. Шаобай, помоги мне собрать самые красивые и ароматные лепестки персика, нужно растереть их в пудру.

— Боюсь, я не силен в выборе цветов, — смущенно ответил Шаобай.

Попугай, который до этого раздражал Аосюэ, вдруг снова слетел вниз, покружил вокруг неё и вернулся на ветку. В тот же миг Аосюэ почувствовала прилив сил, лицо её засияло, а следы слабости исчезли. Она с изумлением уставилась на птицу:

— Ты! Ты демон или божество в ином обличье?

Попугай молчал, не сводя с них пристального взгляда.

— Аосюэ, ты полностью восстановилась! Пора уходить, — сказал Шаобай.

— Нет! Откуда в моей обители взялся этот попугай с такой мощной силой? С ним что-то не так.

Вдруг птица заговорила:

— Я — твоя Кровь Сердца! Я — твоя Кровь Сердца!

— Врешь, — возразила Аосюэ, — я капнула в Реку Спокойных Раздумий всего одну каплю.

— Я — та самая кровь, что пролилась в пруд, когда ты пронзила сердце.

Аосюэ с сомнением посмотрела на Шаобая:

— Как думаешь, это правда?

Шаобай кивнул:

— Думаю, в этом есть смысл.

Аосюэ покачала головой, но снова улыбнулась и обратилась к попугаю:

— Раз ты моя кровь, лети сюда, дай я тебя поцелую!

Птица, казалось, занервничала, замахала крыльями:

— Шаобай здесь! Шаобай здесь!

— Стесняешься? — рассмеялась Аосюэ. — А так пристально смотреть на нас тебе было не стыдно?

— Фея! Отпусти меня из Юмэн! — прокричал попугай.

— Давайте уйдем вдвоем! — предложил Шаобай.

Аосюэ капризно проговорила:

— Поцелуй меня! Как мужчина из мира людей, назови меня женой, и я выпущу вас!

— Это невозможно! — воскликнул Шаобай.

Попугай повторил за ним:

— Это невозможно! Это невозможно!

— Почему же? — Аосюэ внезапно прильнула к губам Шаобая, заключив его в страстный поцелуй. Отстранившись, она добавила: — Теперь назови меня женой, и Юмэн откроется.

Шаобай молчал. Аосюэ разочарованно вздохнула:

— Ладно. Тогда используй Меч Истребления Демонов, чтобы разрушить мой артефакт, и тоже выйдешь.

— Это невозможно! Это равносильно тому, чтобы убить тебя! — воскликнул Шаобай.

— Я знала, что ты мягкосердечен. Давай, говори!

Шаобай сдался и едва слышно прошептал:

— Жена...

Аосюэ рассмеялась, но обитель не открылась.

— Аосюэ! Ты опять меня обманула! Почему Юмэн не открылась?

Аосюэ указала пальцем на дерево:

— Попугай не согласен.

— В каком смысле?

Аосюэ улыбнулась:

— Попугай не рядом со мной. — Она обратилась к птице: — Лети ко мне на ладонь, пойдем вместе!

Попугай опустился на её ладонь, и Аосюэ, поднеся его к губам, страстно поцеловала. Этот поцелуй был еще неистовее и безумнее, чем тот, что достался «Шаобаю».

Застигнутый врасплох попугай остолбенел. Даже с его огромной силой он на мгновение

ослабил контроль и явил истинный облик: человек в белоснежных одеждах, с длинными развевающимися волосами, невероятно красивый, босоногий, но не утративший своего изящества. Это был настоящий Шаобай.

А тот «Шаобай», что только что обнимал Аосюэ, начал таять, превращаясь в тонкую нить дыма. Персиковые деревья исчезли, Иллюзорная обитель Юмэн рассеялась.

Шаобай поспешно оттолкнул Аосюэ. Его сердце бешено колочалось, лицо горело до самых ушей. Первым делом он огляделся: вокруг них кружились лепестки цветов, и лишь тогда он немного успокоился.

Аосюэ стояла напротив, её щеки пылали, а глаза сияли необычайным блеском.

— Ты?! — хотел было возмутиться Шаобай, но Аосюэ приложила палец к губам, призывая к тишине.

Шаобай понял её без слов. Аосюэ подошла ближе и прошептала ему на ухо:

— Ты подарил мне незабываемые ощущения! Моя Кровь Сердца! Твой дух вернулся в тело, мы вышли из Юмэн. Не говори громко, боги уже здесь.

Шаобай тихо ответил:

— Прошу, забудь обо всем, что было. И никогда не упоминай об этом после того, как мы выйдем!

<http://bllate.org/book/22262/2330251>